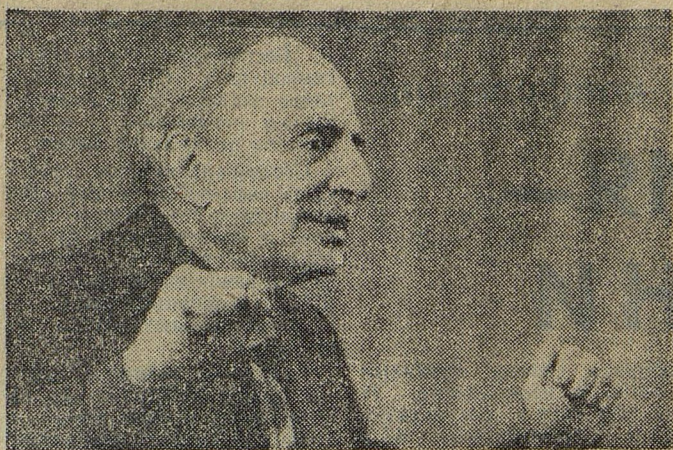

Гости
Тамбова

УЛЫБКА ЭМИЛЯ БРАГИНСКОГО

Эмиль Вениаминович Брагинский — человек добрый. Это я понял давно, когда смотрел поставленные по его (совместно с Э. Рязановым) сценариям фильмы «Берегись автомобиля», «Ирония судьбы, или С легким паром», «Служебный роман». Убеждение это крепко по мере знакомства с пьесами «Игра воображения», «Комната», «Такой непонятный визит», «Гостиница». В них действовали герои отнюдь не образцовые, далекие от совершенства, но явно чувствовалось желание автора помочь нам увидеть в них то, что не может не вызвать симпатию. В большинстве пьес Э. Брагинского человеческая состоятельность персонажей проверяется способностью или неспособностью к состраданию, искренностью отклика на чужую беду, а в конечном счете — той самой добротой, дефицит которой заметно ощущим.

знает». Вот и хочется обнаруживать этот талант в людях, которые нас окружают. Прежде всего — талант доброты. Нельзя закрывать глаза на плохое, но просто отметить какое-либо отрицательное явление — этого мне мало. Люди без позитивной программы мне не близки. Среди молодых авторов немало талантливых ребят. Но настораживает момент равнодушия к судьбам тех, о ком они пишут. Для них персонажи пьесы — это не члены их собственной семьи. А меня порою называют утешителем. Ну и что?

наркома мне недавно пришел привет... из ташкентской тюрьмы. Наверное, и сам он виноват, что весь век по тюрьмам. Но если жизнь крепко ударит в детстве, как же нужен рядом человек, который искренне, душевно поддержит, не даст оступиться. Для меня таким старшим другом стал великий художник Константин Федорович Юон. Настоящий интеллигент, был знаком с Чеховым...

Упомянув имя любимого им Чехова, наш гость вспоминает простенький сюжет «Да-

же ожидает долгая сценическая жизнь».

«А продолжится ли содружество Брагинского с Эльдаром Рязановым?» — такой вопрос просто не мог не прозвучать на встрече.

— Наверное. Ведь мы уже двадцать пять лет вместе. Серебряный юбилей. Наше соавторство строится не на том, что мы умеем прощать чужие недостатки. Это просто. А на том, что прощаем чужие достоинства. Это гораздо труднее. Рязанов обращается и к классике, и к таким полным драматизма пьесам из современной жизни, как «Дорогая Елена Сергеевна» Разумовской. Я же пишу только комедии (или почти комедии) из современной жизни. Поэтому иногда наши интересы расходятся. Сейчас передал пьесу «Лакейские игры в двух частях» режиссеру Юрию Ереминну для его дебюта в качестве главного в Московском театре имени Пушкина, а сценарий «Форточка» — режиссеру Леониду Квинихидзе, который будет делать телефильм с Ириной Муравьевой в главной роли.

Человеку, бывавшему в Италии и США, на кинофестивале в Монте-Карло и на театральных репетициях Ингмара Бергмана, автору двух десятков пьес, несомненно, есть о чем рассказывать благодарно внимающей аудитории. И все же знаменательно, что в своих беседах Брагинский вновь и вновь возвращался к тому, чем живет страна сегодня, что просто не может не волновать: судьба перестройки, дальнейший путь нашего общественного развития.

— Покончить со сталинизмом (а сейчас с легкой руки Александра Гельмана в обиход входит более точное слово — сталинщина) — значит возродить веру человека в свое достоинство. Это совсем по Чехову: выдавливать из себя раба...

Этой благородной цели служит искусство. Служит и творчество писателя, чья улыбка — то веселая, то ироническая, то грустная — помогает нам становиться лучше.

Ю. СЛАВЯНОВ.
Фото Ю. Сычева.

Сказанное относится и к последней пьесе Э. Брагинского «Воровка», постановку которой недавно первым в стране осуществил наш областной драматический театр имени А. В. Луначарского. На премьеру приехал автор, до того ни разу не бывавший в нашем городе, что, впрочем, не помешало ему сочинить «тамбовский хор», вызывающий улыбку зрителей кинофильма «Забятая мелодия для флейты», готовых и вправду поверить в существование этого кочующего коллектива.

Э. Брагинский встретился после спектакля с актерами. На следующий день почти два часа он выступал перед творческой интеллигенцией города. Темы затрагивались самые разные. Попробую рассказать о том, что показалось нам более интересным.

Надо утешать. Не зря сейчас раздаются призывы к созданию общества милосердия.

Что касается пьесы «Воровка», то, хотя она и написана с явной любовью к несколько беспутной героине, автор все же отказался от беспорно утешительного и утешающего финала. Дальнейшая судьба Любы — «девочки-прогулки» — вызывает зрительскую тревогу.

— Собирая материал, я бывал в детских домах. И тревога за будущее их обитателей должна стать тревогой всего нашего общества. Я сам вырос без мамы. У моих школьных, дворовых друзей — московских мальчишек тридцатых годов — нередко родители уводили среди ночи и навсегда. И вот от сына бывшего зам-

подобное мнение возникало не только от присутствия на премьерах. Подумалось: «А что сказал бы Эмиль Вениаминович, побывав здесь дня на три раньше, когда в зале было человек сорок?» Впрочем, он человек добрый...

— И в актерам я увидел трепетное отношение к профессии, бережную заботу о традициях старого русского театра. Больше всего боялся, что со сцены может резануть пошлость. А спектакль получился глубоко человеческим. Я и за себя порадовался: значит, хорошую пьесу написал.

Что же такое, по мнению Э. Брагинского, хорошая пьеса?

— Мне вспоминаются слова Эдуардо де Филиппо: «Каждый человек талантлив, но не каждый об этом

Естественно прежде всего спросить у приезжего человека: «Ну, как вам у нас? Делясь своими впечатлениями, Э. Брагинский сказал:

— В Тамбове есть очарование русской старины, которую еще, к счастью, не успели уничтожить. Ее надо беречь. Беречь театральное здание. Оно куда лучше тех, что понастроили за последнее время по типовым проектам. И в самом театре я увидел атмосферу праздника. Чувствовалось, что артисты специально собирались в театр, что они настроились на спектакль. В Москве такое трепетное отношение к театру исчезает. Для многих он в одном ряду с магазинами. А в магазин забегают, а не ходят. Чувствуете разницу?

Ах, как же хочется, чтобы